

ну остр. Навигаторовъ, французскіе корабли имѣли сношеніе съ жителями остр. Кокосовыхъ, Измѣнничьихъ и Друзей; потомъ заходили на остр. Норфолкъ, и наконецъ 26 янв. 1788 г., пришли въ Ботанибей, въ Новой-Голландіи. Отсюда Лаперузъ доносилъ во Францію, что въ исходѣ февраля онъ надѣется кончить построение двухъ шлюпокъ, и тогда приступить къ изслѣдованіямъ Новой Каледоніи, группы Санта-Крусъ, Менданы, остр. Соломоновыхъ, Луизиады и Новой-Гвиней. Отъ нея онъ былъ намѣренъ обойти и осмотрѣть берега Новой-Голландіи, а въ дек. 1788 г. прибыть на остр. Иль-де-Франсъ, и оттуда возвратиться во Францію. Это была послѣдняя вѣсть объ экспедиціи Лаперуза. Французское правительство тщетно посылало, въ 1791 г., адмирала д'Антрекасто, для открытія участи судовъ Лаперуза: она оставалась почти 40 лѣтъ тайною для образованнаго міра. Петръ Диллонъ, шкиперъ английскаго купеческаго корабля, на пути изъ Вальпарайзо въ Бенгалію, зашелъ, въ маѣ 1826 г., къ остр. Тюкопіи (сѣвернѣе группы Новыхъ Гебридовъ, въ шир. 12°21', южной) и тамъ случайно увидѣлъ серебряный эвесь шагаи. Разыскивая, какъ и откуда онъ сюда попалъ, Диллонъ открылъ, что этотъ обломокъ и съ имъ другія металлическія вещи привезены сюда съ остр. Ваникоро или Манниколо (лежащаго нѣсколько западнѣе Тюкопіи), гдѣ находится еще много разныхъ такихъ вещей, и что всѣ онѣ взяты съ двухъ большихъ судовъ, давно уже при томъ островѣ разбившихся. Изъ этого Диллонъ заключилъ, что остр. Ваникоро есть мѣсто гибели Лаперуза. Тогда же пытался онъ зайти на этотъ островъ, чтобы спасти Французовъ, если кто изъ нихъ остался въ живыхъ; но штили продержали его въ виду острова цѣлую недѣлю, и по недостатку провизіи, онъ уже пустился на переходъ въ Кадькутту. Тамъ-онъ объявилъ о своемъ открытіи, и въ 1827 г., по распоряженію начальства ость-индской компаніи, отправленъ былъ на суднѣ «Решершъ», собственноручно окончательнаго открытія участи экспедиціи Лаперуза. Диллонъ съ успѣхомъ выполнилъ порученіе. Онъ удостовѣрился, что суда Лаперуза погибли въ бурную ночь, на коралловомъ рифѣ, окружающемъ остр. Ваникоро, въ разстояніи отъ 4 до 9 вер. отъ берега. Одинъ шлюпокъ сохранился совсѣмъ, и экипажъ его истребленъ дикими; другой шлюпокъ разбился такъ, что изъ остатковъ его французскіе моряки построили двухмачтовое судно, и на немъ, неизвестно куда, отплыли всѣ, кромѣ двухъ; одинъ изъ оставшихся былъ начальникъ, и у-

меръ только за 3 года до того времени, а другою, бывшею у него въ служебніи, бѣжалъ съ нѣкоторыми островитянами на ближній островъ. Заботливо искалъ его Диллонъ, однакожъ не могъ ничего узнать о немъ, и потому пустился въ обратный путь, назвавъ островъ Ваникоро или Манниколо остр. Лаперуза, и опредѣлилъ его въ 11°40' южн. шир. и 167° вост. долг. отъ Гринвича. Замѣчательно, что д'Антрекасто видѣлъ этотъ островъ и назвалъ его «Решершъ», но не заходилъ къ нему и тѣмъ лишилъ себя счастья быть спасителемъ несчастныхъ своихъ соотечественниковъ, спустя только 4 года послѣ ихъ крушенія. Въ апр. 1828 г. Диллонъ возвратился въ Калькутту, оттуда былъ посланъ въ Лондонъ и потомъ въ Парижъ, гдѣ сдалъ морскому министру всѣ привезенныя имъ вещи, изъ принадлежавшихъ Лаперузу; при этомъ былъ и Лессепсъ; вещи эти хранятся въ морскомъ музеемъ. Французскій король принялъ Диллона весьма благоосложно, заплатилъ всѣ издержки его путешествія, украсилъ его орденомъ Почетнаго Легіона и наградилъ пенсіономъ въ 4,000 франк., а по смерти его назначилъ половинную пенсію женѣ. Известный французскій мореплаватель Дюмонъ-Дюрвилъ, будучи на остр. Ваникоро, въ мартѣ 1828 г., досталъ со дна якорь и пушку, принадлежавшіе судамъ Лаперуза, и ровно черезъ 40 лѣтъ послѣ гибели этого славнаго и несчастнаго мореплавателя, воздвигъ ему на томъ островѣ скромный памятникъ.

Лапцъ (*Lapis infernalis*), расплавленное азотно-кислое серебро, вылитое въ палочки и употребляемое въ медицинѣ для прижиганія ранъ. Онъ не чернѣетъ отъ дѣйствія свѣта, если вовсе не находится въ соприкосновеніи съ органическими веществами. Растворъ его съ прибавленіемъ вишневаго клея употребляется для мѣтки бѣлья, для чего предварительно холстъ смачиваютъ углекислымъ натромъ, и написавъ растворомъ, кладутъ бѣлье на солнце.

Лалландія, земля на сѣверѣ Европы, между Швеціею, Норвегіею и Россіею, принадлежащая этимъ тремъ государствамъ. Она заключается между 67° и 71° 31', с. ш. и населена Лапарями, Лапонцами или Лаппами. Во-время переселенія Финновъ Лапари шли всегда впереди ихъ; этимъ объясняется то, что они теперь живутъ на самомъ сѣверѣ и составляютъ предѣлъ финскаго племени. Сперва они бродили по нынѣшней Финляндіи, но потомъ, около половины XIII вѣка, пришли сюда другіе соплеменники ихъ; тогда Лаппы частью смѣшались съ пришедшими Финнами и сдѣлались земле-

дѣльцами, частью подвинулись на сѣверъ, къ берегамъ Ботническаго-залива, Бѣлаго-морья Ледовитаго-океана и дагѣ въ Норвегію, населить такимъ-образомъ страну, называемую нынѣ Лапландію. Лапландское покорѣніе было въ древности весьма многочисленно и занимало большое пространство. Доказательствомъ этого служить извѣстіе инока Лазаря Муромскаго, жившаго въ половинѣ XII стол., который говоритъ, что въ его время около Онежскаго-озера жили Лопяне и Чудь, люди зѣврообразныя и срыродцы. Націи предки отличали Лапландцевъ отъ прочихъ Финновъ, называемыхъ вообще Чудью. Всѣ чудскія племена называются у насъ однимъ общимъ именемъ—Финнами. Но этого названія у финскихъ народовъ не существуетъ; оно дано имъ западными Еуропейцами, и вѣроятно, въ то время, когда Финны поселились на сѣверѣ Европы. Слово finn есть древнее германское слово, означающее жителя болотистыхъ мѣстъ (отъ Finn болото или низменное мѣсто). Но каждое чудское покорѣніе называетъ себя особымъ именемъ, хотя значеніе этихъ именъ почти одинаково со значеніемъ слова finn. Такъ напр. *Nāmälaiset* — значить житель сырыхъ мѣстъ; *Samälaiset* — житель болотистой земли; Финляндцы называютъ себя *Suomalaiset*, Эстонцы — *Lomelassed* — а Лопари *Lame* или *Lobmaläiset*, всѣ эти названія (*Lämä*, *Samt*, *Lome*, *Luoma*, *Lame*) выражаютъ тоже самое, что и слово finn — Но наши Лопари всегда жили дальше всѣхъ другихъ чудскихъ племенъ; поэтому имъ дано было названіе *Larri* или *Lorri*, что означаетъ отдаленный народъ, живущій на границѣ или концѣ земли. Этимъ именемъ называли ихъ прочіе Финны, отъ которыхъ узнали потомъ это имя и Русскіе и западные или сѣверные европейскіе народы. У насъ передѣляли имя *Larri* или *Lorri* въ Лопь, Лопорье, Лопинъ или Лопарь. — Но кромѣ этого названія, Русскіе знали и то имя, которымъ Лапландцы сами себя называли; отъ этого самая Лапландія называлась сперва безъ различія то Лопорьемъ, то Самоядною. Въ первыя времена, когда были покорены Лопари и нынѣшніе Самояды. Русскіе, не зная ихъ языка, считали оба эти народа за одинъ, потому-что, по образу своей жизни и по наружному своему виду, они почти ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Вслѣдствіе этого, Русскіе называли Самоядовъ Самоядью, т.е. тѣмъ же самымъ именемъ, которое принадлежало Лопарямъ. Вслѣдствіи, когда понадобилось точнѣе раздѣлить эти два народа, то Лопари не назывались иначе, какъ Лопарями,

а обитателямъ обширныхъ тундръ восточной части Архангельской губерніи дано было навсегда имя Самеяди или Самояди. Это названіе потомъ измѣнилось въ Самоядь и наконецъ въ настоящее слово Самояды. Три государства: Русь, Норвегія и Швеція, мало-помалу раздвигая свои предѣлы на сѣверъ, сошлись другъ съ другомъ въ Лапландіи, и раздѣливъ ее между-собою, наложили дань на ея жителей. Когда именно случился этотъ переломъ въ судьбѣ Лапландцевъ, означить съ точностью невозможно. Приблизительно можно сказать, что въ концѣ X стол., или въ началѣ XI, Лопари были данниками Новгорода. Около того же времени и западные Лапландцы покорены были Норвежцами, которые распространились по горамъ Скандинавскимъ на югъ къ гор. Рерось; однакожъ въ сочиненіяхъ Норвежскихъ писателей не встрѣчается имени Лапландцевъ, конечно потому, что Норвежцы всегда называли Лапландцевъ Финнами. У Шведовъ же имя Лапландцевъ сдѣлалось извѣстнымъ въ XII стол., а въ слѣдующемъ вѣкѣ Шведы завоевали восточную Ботнію (Остроботнію) и вмѣстѣ съ нею кочевавшихъ тамъ Лапландцевъ. Потерявъ свою независимость, Лопари, при всемъ томъ, сохранили всю прежнюю свободу. Они безпрепятственно кочевали со своими стадами, переходя отъ внутреннихъ озеръ къ берегамъ океана и рѣкъ, изобиловавшихъ рыбою. По этому они часто переступали за-границы сосѣдственныхъ державъ. Наши Лопари, въ извѣстное время, переходили въ Норвежскую или Шведскую Лапландію, и кончивъ тамъ свои промыслы, возвращались опять въ свои погосты. Но зато, что имъ позволялось промышлять въ чужой землѣ, они должны были платить особую дань тому государству, въ которое переходили. Такимъ-образомъ произошли у насъ Лопари двоюданные и троюданные, то есть платившіе двѣ или три дани. Эта дань, въ первыя времена, состояла изъ шкуръ пушныхъ зѣвей, или изъ рыбы, а впоследствии платилась деньгами. Для собранія дани были назначаемы особыя чиновники, которые, кромѣ главной своей обязанности, должны были еще разбирать жалобы и ссоры, часто возникающія между Лопарями. Точной и постоянной границы не было; часто оттого происходили споры и несогласія, которые обратили на себя вниманіе правительствъ сосѣдственныхъ державъ и убѣдили ихъ въ необходимости разграниченія; по границы не другъ были опредѣлены. Это дѣло кончилось ровно черезъ 500 лѣтъ съ того времени, какъ началось. Въ первый разъ упоминается о на-

шихъ границахъ съ Норвегією въ договоръ Новгорода, который владѣлъ тогда всею сѣвѣрною Русью, съ норвежск. королемъ Магнусомъ; этотъ договоръ заключенъ былъ въ 1326 г.; въ немъ не было означено въ точности, гдѣ должна проходить граница, и эта неточность произвела потомъ, въ царствованіе Іоанна Грознаго, войну съ Швецією. Шведы, во время этой войны, много сдѣлали опустошеній въ нашихъ селеніяхъ; между прочимъ отняли нѣсколько допарскихъ погостовъ и хотѣли разорить монастырь, основанный на Печенгѣ Пр. Трифономъ. При Іоаннѣ же Грозномъ заключено было перемиріе съ датскимъ королемъ, которому принадлежала Норвегія. Въ договорѣ по этому случаю упомянуто, между прочимъ, о границахъ нашихъ съ Норвегією, но сказано только, что эти границы возобновятся по прежнимъ древнимъ. Вскорѣ послѣ этого договора датскій король захотѣлъ отнять у насъ Коу и Печенгу, чтобы завести въ тѣхъ мѣстахъ свою торговлю и уничтожить нашу; но устранный слухомъ нашей союзницы Англіи и войсками Іоанна Грознаго, пришедшими въ остроги сѣверныхъ блѣморскихъ пристаней, Фридрихъ отказался отъ своихъ притязаній. Однакоже, желая въ точности опредѣлить наши границы съ Норвегією, Фридрихъ послалъ въ Коу своего чиновника Керстена Фриза, кончить это дѣло, вмѣстѣ съ назначеннымъ отъ царя Θεодора Іоанновича уполномоченнымъ, княземъ Бярятинскимъ. Фризь, прѣбывавъ раньше, не хотѣлъ ждать Бярятинскаго, и ухалъ назадъ. Такимъ образомъ граница осталась, попрежнему, неопредѣленною. Новый король датскій, сынъ Фридриха, Христіернъ IV, хотѣлъ кончить дѣло, начатое отцомъ его; Θεодоръ Іоанновичъ послалъ въ Коу своихъ уполномоченныхъ: воеводу князя Звенигородскаго и намѣстника Болховскаго—Григорія Васильевича; но уполномоченные Христіерна не прѣбжали.—Вышло тоже, что и прежде. Однакожъ Лопарямъ вѣрно было оставить свои несогласія и торговать мирно. Между-тѣмъ, еще въ 1595 г. былъ заключенъ мирный договоръ Θεодора Іоанновича со Шведами. Въ этомъ договорѣ южные Лопари были раздѣлены такъ, чтобы Остротуннскіе и Варангскіе (т.е. жители Варангесборди) платили дань Швеціи, а всѣ восточные или Кольскіе — Россіи. Въ 1601 г., въ царствованіе Бориса Годунова, опять начались споры о лапландскихъ границахъ, начавшіеся съ того, что норвежскіе сборщики требовали съ нашихъ Лопарей 110 ефимковъ. Христіернъ желалъ присвоить се-

бѣ всю Лапландію, однакожъ эти переговоры, по обыкновенію, не кончились ничѣмъ рѣшительнымъ. Датчане предлагали раздѣлить Лапландію на 2 равныя части. Борисъ уступалъ Норвегіи все пространство на западъ отъ Печенгскаго монастыря, основаннаго св. Трифономъ. Дѣло было отложено до будущаго съѣзда особыхъ чиновниковъ въ Коу. Но этого съѣзда уже не было, потому-что скорѣе настало для Россіи тяжкое и несчастное время, когда нужно было заботиться о спасеніи цѣлаго русскаго народа, а не отдаленныхъ провинцій; съ этого времени до 1784г., въ-теченіе 183 лѣтъ, кажется, не было и помину о границахъ Лапландіи. Въ 1784 г. Екатерина II повѣла означить линіи границы Архангельской губерніи съ норвежскими и шведскими владѣніями. Для этого посланъ былъ землемеръ Киселевъ, вмѣстѣ съ кольскимъ исправникомъ. Со стороны сосѣдственныхъ державъ не было никого при этомъ размежеваніи, которое произведено только по указаніямъ мѣстныхъ жителей. Въ 1809 г., когда присоединена къ Россіи Финляндія, рѣшена окончательно и часть вопроса о сѣверныхъ нашихъ границахъ. Граница Финляндіи, начинаясь отъ устья р. Торнео, шла вверхъ по этой рѣкѣ и далѣе, до точки, называемой Каймисойву. Отъ этой точки до Ледовитаго-океана граница оставалась еще неопредѣленною. Наконецъ въ 1826 г. эта граница проведена окончательно, и вмѣстѣ съ этимъ кончилось дѣло межеванія нашихъ границъ. Въ настоящее время Лапландія раздѣляется: 1) на *Шведскую Лапландію*, содержащую простр. 2,412 кв. миль, съ 53,000 чел. жит., въ томъ числѣ Лапонцевъ 5,200 чел., которые пользуются привилегіей не ставить рекрутовъ; прежде, до 1810г., шведская Лапландія была обширнѣе и раздѣлялась на Іемтландію, Азелеландію, Умео-ландію, Питео-ландію, Аулео-ландію и Торнео-ландію. Часть послѣдней уступлена Россіи. (Кромѣ-того 1,000 Лопарей перешло въ Торнеоскій и Улеоборскій уѣзд.). Теперь она, за исключеніемъ Іемтландіи, причислена къ Вестерскому и Нордботенскому лѣнамъ, и считаетъ въ себѣ до 670 оленьихъ стадъ.—2) *Норвежская Лапландія*, часть епархіи Дроитгейма, прежде имѣла простр. 1,260 кв. миль и жит. около 6,000 чел.—3) *Русская Лапландія* принадлежитъ къ Архангельской губ. (Кольскому уѣзду), и великому княжеству Финляндскому. Все пространство земли, занимаемой русскими Лопарями, представляетъ полу-островъ, омываемый съ сѣв. Ледовитымъ-океаномъ, съ вост. Бѣлымъ-моремъ, а съ юга Кавдалакшско-губою, наконецъ съ зап. онъ примыкаетъ къ великому кня-

жеству Финляндскому и Норвегии. Грунтъ земли крупнозернистый гранитъ, покрытый въ иныхъ мѣстахъ пескомъ. Самая же поверхность Лапландіи весьма гориста. Горы, извѣстныя подъ именемъ Скандинавскихъ, выходя изъ Норвегии, направляются къ югу, тянутся по зап. границѣ нашей Лапландіи, къ берегамъ Бѣлаго-моря, и пускаютъ отпрыски въ Лапландію около Кандагашскаго-залива. Эти кряжи горъ почти непрерывною каймой возвышаются по берегамъ Лапландіи: Терскому и Мурманскому. Лапландскія горы суть скалы гранита, взгроможденныя одна на другую; изрѣдка пробивается на нихъ травка, и кое-гдѣ одиноко растутъ низенькая береза или сосна, почти лишенная вѣтвей съ сѣверной стороны. Растительность въ русской Лапландіи не такъ бѣдна, какъ можно полагать по географическому ея положенію. Здѣсь есть даже большіе лѣса, состоящіе изъ сосны, березы и частью ели; много ягодъ, между которыми замѣчательна морошка. На югѣ нашей Лапландіи дѣсь вообще довольно хороша, и деревья достигаютъ поднаго развитія; но чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ лѣса становятся меньше и ничтожнѣе. Земля покрыта мхомъ, который застилаетъ всю Лапландію. Изъ породы этихъ мховъ замѣчательнъ бѣлый исландскій мохъ, или ягель, какъ здѣсь его называютъ, служащій пищею оленямъ. Природа щедро надѣлила Лапландію водою. Самыя обширныя изъ озеръ: Имандра (190 вер. въ длину и 40 въ ширину), Нуэтъ-озеро, Кунбо, Пяво, Ковдо. Вода озеръ чрезвычайно чиста; тысячи крошечныхъ островковъ разбросаны по озерамъ, въ которыхъ водится прекрасная рыба. Озера эти соединяются между-собою рѣчками, или служатъ обильными запасами воды для рѣкъ, втекающихъ въ море и океанъ. Изъ рѣкъ самыя значительныя: Пазъ, Ворьема, Печеньга, Бомени, Тулома. Кола, Ерышная, Юканка, текущія въ океанъ; а въ Бѣломъ-море: Поной, Пулонга, Соснонка, Варзуга. Всѣ вообще здѣшнія рѣки замѣчательно быстрою своего теченія и порогами, по причинѣ которыхъ суда не могутъ ходить по здѣшнимъ рѣкамъ и останавливаются въ устьяхъ, гдѣ рѣки текутъ плавно и спокойно подобно озерамъ; рѣки также обильно наполнены рыбами. Лѣса Лапландіи служатъ жилищемъ для пушныхъ звѣрей: медвѣдей, водковъ, лисицъ, росомахъ, горностаевъ и оленей; безъ оленя человекъ не могъ бы существовать въ этихъ дикихъ пустыняхъ. большую часть года покрытыхъ глубокими снѣгами. Огромными, безчисленными стадами эти олени носятся по тундрамъ Лапландіи; нашедши себѣ при-

вольное мѣстечко, гдѣ растеть ягель, все стадо спокойно пасется, пока не истребитъ всего корма, а потомъ отирается даље. Здѣшніе олени довольно рослы и одарены физической силой: рога широкіе, копыта и мускулистыя ноги даютъ имъ надежныя средства къ защитѣ; но при всемъ этомъ они чрезвычайно пугливы и робки. Самый постоянный, непримиримый и опаснѣйшій непріятель оленя есть волкъ, который убиваетъ оленей методомъ для пищи, но и для забавы. Волковъ на сѣверѣ вообще чрезвычайно много. Въ некоторыхъ рѣкахъ Лапландіи водятся бобры и выдры, которыми въ прежнія времена Лопари уплачивали свою дань. Здѣсь есть также и зайцы, но ихъ однакожъ немного. Пустынная, мадонаселенная Лапландія служитъ спокойнымъ, ничѣмъ невозмущаемымъ пристанищемъ для огромныхъ стай всякаго рода дикихъ птицъ. — Въ извѣстныя времена года бываютъ здѣсь гуси, утки, гагары, а зимою огромныя массы куропатокъ покрываютъ лапландскія скалы, Лапландія, или вѣрнѣе, берега ея: Торекій и Мурманскій въ древнія времена славились ловлею хищныхъ птицъ: соколовъ, кречетовъ, ястребовъ и челиговъ — По договорамъ съ Новгородцами русскіе великіе князья имѣли право ловить птицъ въ соколиной охотѣ на Терскомъ берегу Лапландіи; но потомъ, когда весь сѣверъ присоединенъ былъ къ Московскому государству, для лова этой посылались каждый годъ особыя отряды (натаги) промышленниковъ (помытчиковъ) на берега Бѣлаго-моря и на сѣверный лапландскій берегъ, Мурманскій — Эта ловля, начавшаяся въ первое время существованія Руси, прекратилась съ кончиною Екатерины II, когда соколиная охота отжила свой вѣкъ. — Климатъ Лапландіи неведѣ одинаковъ. Зимою обыкновенно бываетъ гораздо холоднѣе внутри Лапландіи, чѣмъ на морскихъ ея берегахъ, потому что испаренія моря и океана, дѣлая воздухъ сырѣмъ и влажнѣе, очень значительно уничтожаютъ силу морозовъ. Но эти же испаренія, во-время лѣта, препятствуютъ дѣйствию солнечныхъ лучей, такъ что лѣто существуетъ тамъ только по имени, а на самомъ дѣлѣ это осень, сырая, дождливая и холодная; внутри же Лапландіи лѣтомъ бываютъ иногда хорошіе дни, и довольно часто гремитъ громъ, особенно въ мѣстахъ гористыхъ. На сѣверѣ Лапландіи отъ 12 мая до 9 іюля солнце не закатывается; нѣтъ ни сумерекъ, ни ночи; 57 разъ, покружится солнце выше горизонта, потомъ, понижаясь все болѣе и болѣе, кончаетъ тѣмъ, что уже вовсе не показывается, тогда наступитъ

плетъ полярная ночь, продолжающаяся слишкомъ 50 дней, т. е. съ половины ноября до 5 января, когда снова начнется мало-по-малу показываться солнце. Полярная ночь совсемъ темна, во-первыхъ потому, что близна свѣга, покрывающаго землю, очень способствуетъ отраженію свѣта; во-вторыхъ, частыя и продолжительныя сѣверныя сіянія, пылая столпами яркаго свѣта, превращаютъ эту ночь въ день особеннаго вида: при свѣтѣ этого сіянія можно читать; въ полярные дни солнце грѣетъ землю только въ полдень; тогда какъ въ остальную часть сутокъ солнце кажется золотымъ кругомъ, безъ лучей, безъ теплоты.— Русскіе Лопари раздѣляются на 2 части. Одни, живущіе по сѣверозап. берегу Бѣлаго-моря, отъ Нялицы до Св. Носа, назыв. Терскою Лопью или приморскими Лопарями. Другіе, въ сѣв. и зап. части Лапландіи, называются по урочищамъ ихъ селеній (погостовъ). Всѣхъ русскихъ Лопарей до 2,400 об. п. Всѣ они причислены къ разряду государственныхъ крестьянъ. Терскіе Лопари приписаны къ с. Поной. Погосты Лопарей, какъ и дѣтнія ихъ жилища, бѣбольшую часть состоятъ изъ вежъ, т. е. шатровъ, сдѣланныхъ изъ тонкаго, березоваго или еловаго дѣса. Въ каждомъ лопарскомъ селеніи, вмѣсто церкви, есть часовня, отчего и селенія называютъ погостами. Терскіе Лопари болѣе другихъ сохранили свою отличительную физиономію; они малорослы, имѣютъ большія голны, короткія шеи, глаза узкіе, красновато-каріе, волосы темнорусые, бороды короткія, руки длинныя и выданшіяся скулы. О характерѣ русскихъ Лопарей можно сказать, что они смиренны и даже раболѣпны; но при раздраженіи, какъ въ Финны, страшны и вообще упрямы; кажутся простодушными, но всегда готовы на обманъ. Переимчивости у нихъ мало. Нарѣчіе Лопарей похоже на финское (см. Лаповскій языкъ), однако они все хорошо говорятъ по-русски. Промышленность Лопарей не разнообразна. Природа дала имъ два главныя средства къ существованію: рыбную и звѣриную ловлю. Въ нынѣшнее время первая изъ нихъ чрезвычайно значительна; причиною этого—изобиліе рыбы и то, что ловля эта не требуетъ слишкомъ большихъ трудовъ и особеннаго искусства или хитрости, и наконецъ, требованіе марбу и потребленіе ея очень велики, потому что она составляетъ почти исключительную пищу всего сѣвернаго края. Но такъ какъ рыбный промыселъ обыкновенно прекращается съ наступленіемъ зимы, то Лопарь обращается ко второй вѣтви своей промышленности, т. е. къ звѣриной ловлѣ. Примыкъ слѣд-

ствиемъ этого выходитъ, что Лопарь долженъ кочевать, переходя съ береговъ океана или Бѣлаго-моря и рѣкъ, или озеръ, гдѣ онъ дѣтвомъ ловитъ рыбу, въ тундры и дѣса, гдѣ водятся дикіе звѣри. Этотъ кочевой образъ жизни Лопарей есть необходимость, или, вѣрнѣе, законъ, предписанный имъ самою природою. Главную пищу ихъ составляютъ рыба и оленье мясо, къ которымъ роскошною правую служатъ хлѣбъ; къ хлѣбу и рыбу Лопари привыкли и покупаютъ его у приходящихъ дѣтвомъ изъ Поморья; но они не умѣютъ печь изъ муки такихъ хлѣбовъ, какъ наши, хотя очень любятъ нашъ черный хлѣбъ, когда случится достать его у Русскихъ. Это неумѣнье неизбежно, потому что невозможно спечь хлѣба на такихъ очагахъ, какіе у Лопарей. Они обыкновенно смѣшиваютъ муку съ водою, дѣлая изъ этого тѣсто; изъ тѣста приготавливаютъ тонныя лепешки, которыя и жарятся на раскаленномъ камнѣ, передъ огнемъ. Такія лепешки называются *реска*. Или въ котелъ съ кипящею водою, который виситъ надъ огнемъ, кладутъ муки, рыбы или мяса,—изъ чего выходитъ похлебка, называемая *линдою*. Лопарь является домой только для ѣды и сна; все же остальное время онъ проводитъ на вольномъ воздухѣ; женщины постоянно остаются дома, какъ хозяйки, готовятъ пищу, шьютъ одежду, которая проста до чрезвычайности и состоитъ изъ довольно длиннаго мѣшка, сшитаго изъ оленьихъ шкуръ, шерстью внутрь. Такой мѣшокъ или пальто не имѣетъ разрѣза, надѣвается сверху, пока голова не покажется изъ отверстія, оставляемаго наверху этой одежды, называемой у Лопарей *печкомъ*. Обувь шьется искусно, изъ шкуръ съ оленьихъ ногъ: это длинныя сапоги (по-лопарски *ары*), которые довольно красивы, потому что послѣ каждой полоски бѣлой шерсти слѣдуетъ узенькая полоска темнаго цвѣту; носикъ яровъ бываетъ длинный и острый, закрывшійся къ верху; шапка похожа на копакъ съ длинными ушами, которыя, мало-по-малу суживаясь, превращаются въ тесьмы, завязывающіяся подъ подбородкомъ, чтобы шапка плотнѣе прилегла къ головѣ. Эти шапки дѣлаются изъ мѣха молодыхъ оленей, иногда изъ лисicy. Такой нарядъ чрезвычайно тепелъ, и Лопарь смѣло выходитъ въ немъ на самый жестокой морозъ. Впрочемъ, для лопарей не существуетъ частыхъ переизмѣнъ одежды. Зиму Лопарь проводитъ въ печкѣ, не снимая его ни на минуту; а дѣтвомъ надѣвается, вмѣсто печка, одежду такого же покроя, только сухонную, по-

доларски *юту*. Многие Лопари однако же обзавелись и русскими кастанами, и даже куртками; вообще, въ домашнюю жизнь Лопарей вошло уже много русскаго; водка, табакъ и чай входят въ употребленіе. Прежде Лопари были язычники (см. Лапонокая религія). Шведскіе и русскіе Лопари почти все христіане. Русскіе Лапландцы исповѣдаютъ грекороссійскую вѣру. Замѣчательно, что они сами, по своей волѣ, пожелади быть христіанами. Въ 1526 г., въ царствованіе Василія III, нѣкоторые изъ Лопарей, по древнему обычаю, прѣвѣхши въ Москву съ данью, рѣшили просить для своихъ соотечественниковъ наставниковъ въ св. вѣрѣ. Такъ положено было начало христіанства въ Лапландіи, сперва въ южныхъ ея предѣлахъ, а потомъ (1532) внутри и на сѣверѣ ея. Тамъ, на р. Туломѣ, архимандритъ Феодоритъ проповѣдывалъ Евангеліе. Говорятъ, что онъ перевелъ на лапонскій языкъ многія священныя книги, но ихъ теперь нѣтъ и слѣда, да и самое время Феодорита нынѣ неизвѣстно между Лопарями. Въ одно время съ Феодоритомъ, около 1550 г., на берегахъ р. Печенги, въ дальнемъ св.-зап. концѣ Лапландіи, явился новый проповѣдникъ слова Божія, преподобный Трифонъ; онъ былъ сынъ одного священника изъ г. Торжка, и по любви къ пустынножителству отправился въ дикій полунощный край. Познакомившись съ туземными обитателями и узнавъ ихъ прекрасныя душевныя качества, онъ рѣшился просвѣтить ихъ свѣтомъ истины. Какъ истинный аскетъ, пр. Трифонъ дѣйствовалъ на Лопарей дѣлами добродѣтели, одицетворяя ученіе вѣры своею жизнью и христіанскими подвигами. Такимъ образомъ Трифонъ покорила сердца Лопарей, и приготовивъ ихъ къ принятію крещенія, пригласилъ одного іеромонаха изъ Колы, который крестилъ Лопарей, и самаго Трифона облекъ въ иноческій санъ. На р. Печенгѣ Трифонъ основалъ монастырь, которому Іоаннъ Грозный пожаловалъ много угодій. Этотъ монастырь нынѣ уже не существуетъ: его разорили и сожгли, въ 1589 г., Шведы, дѣлавшіе непрерывныя набѣги на все Поморье. Нынѣ на этомъ мѣстѣ находится церковь, отстоящая отъ Колы на 185 вер. Сюда ежегодно 15 дек. прѣзжаетъ изъ Колы священникъ, для совершенія литургіи, въ память пр. Трифона. Къ этому дню, изъ самыхъ дальнихъ концовъ Лапландіи съѣзжаются Лопари, которые глубоко чтутъ пр. Трифона, передавая изъ рода въ родъ преданія о благочестивой его жизни и христіанскихъ подвигахъ. Несмотря на то, что Лопари христіане, они все почти еще остаются безъ всякаго

религіознаго воспитанія; они умѣютъ только остигать себя крестнымъ знаменіемъ, поклоняясь Богу въ своихъ бѣдныхъ часовняхъ, безъ священника. Шведскіе Лопари попали, при королѣ Магнусѣ I (1273 г.) подъ вліяніе миссіонеровъ, которые старались о распространеніи между ними христіанства; но успѣли только окрестить ихъ. Король Густавъ I (1524 г.) очень заботился о наученіи Лаповъ догматамъ и правиламъ лютеранскаго исповѣданія, и завелъ въ Питеръ первую лаповскую школу. При Карлѣ IX (1600 г.) у нихъ заведены церкви, подчиненныя шведскимъ соборнымъ приходамъ, пока королева Христина приказала опредѣлять туда особыхъ пасторовъ. Съ того времени Швеція старалась постепенно образоватъ Лапландію посредствомъ учрежденія пасторствъ, школъ и колоній. Въ финмаркенской, прежней датской Лапландіи, датскій король Христіанъ IV (около 1600 г.) строгими мѣрами искоренилъ язычество. Дронгтеймскій епископъ Эрикъ Бредалъ (1648—72 г.) и его преемники тщетно усиливали ввести религіозное просвѣщеніе въ Лапландію. Исаакъ Ольсенъ, бѣдный человекъ, въ началѣ прошлаго вѣка, провелъ 14 лѣтъ по горамъ, занимаясь обращеніемъ Лапонцевъ. Король Фридрихъ IV въ 1706г. приказалъ составить для этой цѣли особую миссію и основать, для приготовленія миссіонеровъ, семинаріи въ Копенгагенѣ и Дронгтеймѣ. Корольшведскій Фридрихъ I (1748 г.) и его преемники также очень пеклись объ утвержденіи и распространеніи христіанства между Лапонцами, но успѣхъ не соответствовалъ желанію. Въ Кольскомъ полуостровѣ существуютъ церкви только въ трехъ мѣстахъ, именно въ г. Колѣ и д. Повозъ и Керсти; все эти мѣста чрезвычайно отдалены одно отъ другаго и лежатъ на морскихъ берегахъ. Три священника, принадлежащіе къ этимъ церквямъ, обязаны ежегодно объѣзжать доларскіе погосты, но такъ какъ трудно бываетъ застать Лопарей дома, а иногда рѣшительно невозможно достигнуть до какихъ-либо погостовъ, то ясно, что только нѣкоторая часть Лопарей можетъ воспользоваться присутствіемъ священника; по этому нельзя и требовать отъ Лопарей соблюденія церковныхъ обрядовъ. Никто изъ мужчинъ не можетъ жениться, пока не убилъ дикого оленя. Неплодіе считается у Лопарей большимъ недостаткомъ. Умершихъ погребаютъ они безъ гробницъ, иногда въ платъ, а иногда и нагихъ. На оленѣ покойника никто не имѣетъ права ѣздить. Многие имѣютъ съ умершими опускаютъ въ могилу его любимую пищу и орудія: топоръ, огниво,

ведло и проч. Закапавъ тѣло въ землю и насыпавъ надъ нимъ курганъ, покрываютъ его санями, опрокинувъ, ихъ полозьями вверхъ. По кочевому образу жизни, Лопари не могутъ имѣть постоянныхъ жилищъ, подобно всемъ кочевымъ народамъ. Однакожъ тутъ есть очень большая разница: Киргизы, Монголы и всѣ другіе народы одинаково съ ними образа жизни, даже Самоѣды, переходя изъ одного мѣста въ другое, перевозятъ съ собою и свои жилища; Лопари же, напротивъ, имѣютъ постоянныя хижины (вежи). Нѣсколько такихъ хижинъ составляютъ нѣчто похожее на деревню, и что здѣсь называется погостомъ. Такихъ погостовъ въ нашей Лапландіи можно насчитать до 15. Всѣ они расположены болѣею частью при озерахъ. Въ нихъ Лопари живутъ только зимою, и по этому погосты называются зимними. Но такъ-какъ рыбная ловля въ лѣтнее время года требуетъ присутствія Лопарей на морѣ, то они и тамъ имѣютъ свои вежи (а иногда и бременчатая избушки), которыя уже носятъ названіе лѣтнихъ погостовъ и становищъ. Въ концѣ апрѣля мѣсяца, когда наступаетъ въ Лапландіи весна, только по имени, изъ глубины страны, изъ тундръ ея, начинается движеніе Лопарей: они оставляютъ свои зимніе погосты и отправляются въ кережкахъ, на оленяхъ, кто на Мурманскій берегъ, кто на Терскій и Кандалашскій, смотря потому, какой изъ этихъ береговъ ближе къ зимнимъ погостамъ. Въ Лапландіи нѣтъ, да и быть не можетъ, постоянныхъ дорогъ; для Лопаря тамъ и дорога, гдѣ онъ ѣдетъ. Весьма важное удобство для кочеваго Лопаря составляетъ то, что ему не нужно запасаться и брать съ собою кормъ для оленя, какое бы дальнее путешествіе ему не предстояло. Олень обладаетъ чрезвычайно тонкимъ обоняніемъ. Какъ бы ни глубоко былъ снѣгъ, онъ узнаетъ, если подъ нимъ мохъ, и найдя такое мѣсто, онъ быстро раскидываетъ снѣгъ передними ногами, добирается до своей пищи, и углубляется въ снѣгъ такъ, что его почти невидно; вмѣсто воды олень ѣстъ снѣгъ, Хорошій олень легко можетъ пробѣжать до 10 вер. въ часъ, и требуетъ немного времени для корма и отдыха. Въ особенности велика дѣятельность Лопарей на Мурманскомъ-берегу. Рыба, которая здѣсь ловится, состоитъ изъ самги, трески и палтусины, съ многими ихъ видоизмѣненіями. Лопари сбываютъ свою рыбу Русскимъ, приходившимъ въ августѣ на Мурманскій-берегъ на большихъ ладьяхъ. Тогда всѣ становища превращаются въ настоящія гавани; Лопари спѣшатъ продавать хозяевамъ судей все, что они наловили зимою, и лѣтомъ:

мѣста олени, лисы, горностаевые, волчьи и пр., не говоря уже о рыбѣ и морскихъ звѣряхъ. До послѣдняго времени Лопари не имѣли своихъ судовъ, на которыхъ могли бы ѣздить въ Архангельскъ и тамъ продавать свои произведенія, а потому по необходимости должны были обращаться съ ними къ поморянамъ, которые приходили на берега Лапландіи; но въ послѣднее время нѣкоторые Лопари завели себѣ мореходныя шнеки и рѣшились ѣздить въ Архангельскъ, и такимъ-образомъ производить свою собственную, самостоятельную торговлю. Въ концѣ августа на морскихъ берегахъ Лапландіи снова царствуетъ грустная тишина. Лопари, возвратившись въ глубину Лапландіи, къ любимымъ своимъ тундрамъ, останавливаются у большихъ озеръ, и пользуясь остаткомъ осени, ловятъ изъ нихъ рыбу, въ запасъ на цѣлую зиму. Въ началѣ зимы и эти озера пустѣютъ. Всѣ Лопари снова привѣзжаютъ въ зимніе погосты и предаются охотѣ; изъ всѣхъ животныхъ только олени, лисицы и горностаи составляютъ самую важную отрасль промышленности Лопарей. Всѣ вообще Лопари очень искусныя стрѣлки, потому-что съ малыхъ лѣтъ привыкаютъ владѣть винтовкою; но такъ-какъ порохъ и свинецъ слишкомъ дороги, да и промышленность ихъ нѣтакъ обширна, чтобы требовала этихъ матеріаловъ слишкомъ много, то у Лопарей сохранились особенные способы ловли, гдѣ не требуется огнестрѣльнаго оружія. Оленей и куропатокъ они ловятъ посредствомъ очень искусно установленной между деревьями петли изъ веревки или ремня (гангасъ). Лисицъ— посредствомъ отравы, а болѣе стрѣляютъ. Кромѣ рыбной и звѣриной ловли, часть Лопарей занимается оленеводствомъ. Оленьи стада содержатся почти всеми Лопарями, но у нѣкоторыхъ изъ нихъ эти стада такъ велики, что составляютъ предметъ главной ихъ заботливости. Есть Лопари, имѣющіе до 2,000 оленей. И мясо и кожа оленей имѣютъ большой сбытъ. Остается сказать, что русскіе Лопари пользуются привилегіей не ставить въ натурѣ рекрутовъ, а платятъ по 150 р. сер. съ человѣка.

Лапласъ (Pierre Simon, marquis de Laplace), одинъ изъ славнѣйшихъ геометровъ нашего времени, род. въ Бомонъ-на-Ожѣ 1749 г. Въ дѣтствѣ Лапласъ показывалъ наклонность къ дуконному званію, и неизвѣстно какимъ образомъ родилась у него страсть къ геометріи. Знаемъ только, что онъ отправился въ Парижъ къ д'Аламберту, который умѣлъ понять 19-ти лѣтняго геометра и прискалъ ему мѣсто въ парижской военной школѣ. Далѣе успѣхи Лапласа были столь блистательны, что